

**УИЛЬЯМ
МОРРИС**

ЛЕС ЗА
ПРЕДЕЛАМИ
МИРА

Уильям Моррис

Лес за пределами мира

«Остеон-Групп»

1894

Моррис У.

Лес за пределами мира / У. Моррис — «Остеон-Групп» , 1894

ISBN 978-5-85689-241-2

Вниманию читателя предлагается редчайший роман, первый из известных в мире романов, написанный жанре «фэнтэзи». Его автор, Вильям Моррис – знаменитый английский поэт, поэт, прозаик, художник, издатель и общественный деятель, был слишком богат разносторонними талантами, чтобы остановиться на каком-то одном поприще. Его творчество очень высоко ценил Р. Р. Толкиен. Британский историк А. Л. Мортон сказал о его романах, что «многие писали утопии, в которые можно было поверить. Но Моррису удалось изобразить такое утопическое государство, в котором хочется жить».

ISBN 978-5-85689-241-2

© Моррис У., 1894
© «Остеон-Групп» , 1894

Содержание

Коротко об авторе	6
Глава I: Золотой Уолтер и его отец	8
Глава II: Золотой Уолтер и отплывающий корабль	10
Глава III: Уолтер получает весть о смерти отца	12
Глава IV: «Бартоломью» попадает в шторм и сбивается с курса	15
Глава V: Неведомая земля	17
Глава VI: Старик рассказывает Уолтеру о себе. Уолтер видит проход в скалах	20
Глава VII: Уолтер отправляется к проходу в скале	23
Глава VIII: Уолтер пересекает пустыню	25
Глава IX: Уолтер встречает первого из трех незнакомцев	27
Глава X: Вторая встреча Уолтера в неведомой стране; прекрасная незнакомка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вильям Моррис

Лес за пределами мира

The Wood Beyond the World

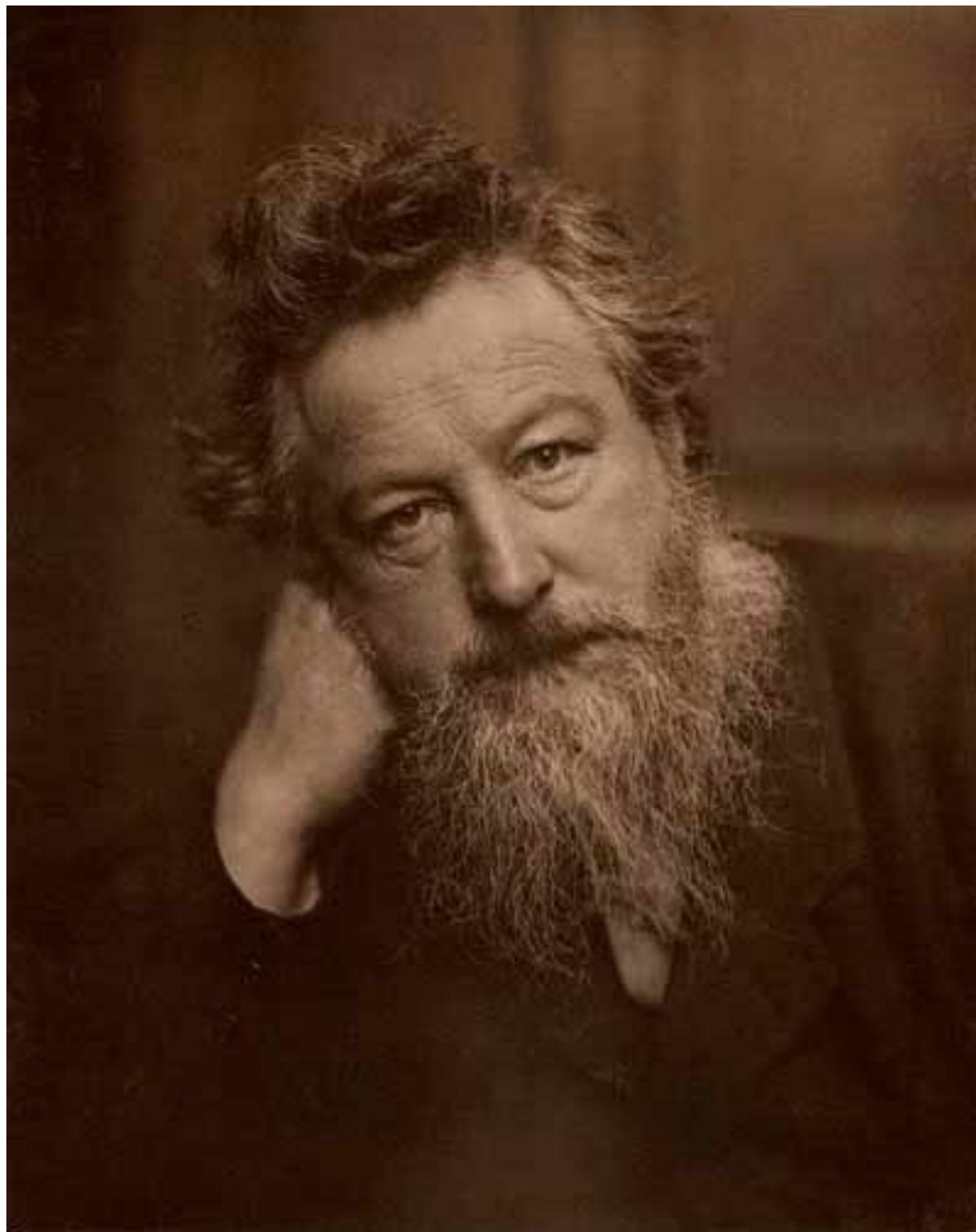
by William Morris

© Тимофеев С.Н. Перевод с английского, 2019.

© ООО «Остеон-Групп», 2019.

* * *

Коротко об авторе

Вильям Моррис (Morris, 1834–96) – знаменитый английский поэт, художник и общественный деятель; учился в Оксфорде, где был товарищем живописца Берне-Джонса и нескольких других юношей, увлекавшихся эстетическими идеалами. Под влиянием религиозных течений, господствовавших в 50-х гг. в Оксфорде, Моррис хотел вступить в духовное звание, но вскоре всецело отдался искусству и поэзии, помещая в издаваемом им журнале «Oxford and Cambridge Magazine» рассказы, стихи и теоретические рассуждения об искусстве. Значения картин как чего-то обособленного в области прекрасного Моррис не признавал; целью искусства он считал украшение жизни, замену неэстетической обстановки, среди которой живет человечество, красотой во всем окружающем; отсюда увлечение его Средними веками, так

высоко поставившими декоративное искусство. Практическую пропаганду эстетики Моррис начал основанием «Общества охранения памятников старины» для противодействия администрации, безжалостно разрушавшей старинные здания, чтобы заменять их гигиеническими скверами. В конце 50-х гг. Моррис вступил компаньоном в торговую фирму, основавшую фабрику художественных изделий для домашнего обихода, и вскоре сделался единственным владельцем ее. До сих пор обои, ковры, мебель, расцвеченные стекла и др. произведения фабрики «поэта-обойщика», как его называли в шутку, составляют необходимую принадлежность хорошо устроенного английского дома. Предприятие Морриса, вызвавшее подражания во всей английской промышленности, значительно подняло художественный уровень Англии. С той же целью поднятия декоративного искусства Моррис основал общество «Arts and Crafts Society», члены которого – артисты и мастера своего дела – довели до совершенства книгопечатание и переплетное мастерство. Моррис занимался также социально-политической пропагандой, был президентом «социалистической лиги», стремился к созданию новых условий для жизни рабочих. Именно как сторонник «чистого искусства», Моррис считал необходимым условием для его развития истинно свободный труд в противоположность безрадостному батрачеству теперешнего рабочего. Такова основная мысль брошюр, памфлетов и лекций Морриса о социализме в связи с эстетическим возрождением Англии («Labour and Pleasure versus Labour and Sorrow», «Hopes and Fears for Art», «Art and Socialism», «The aims of Art», «Useful Work and useless toil» и др.). Этими же стремлениями к лучшей организации труда, которая создаст на земле царство красоты, проникнут утопический роман Морриса «News from Nowhere». Первый сборник стихов Морриса вышел в 1858 г. под заглавием «The Defence of Guinevere and other poems»; в нем особенно замечательны небольшие поэмы («Sir Peter Harpdon's End», «Shameful Death» и др.), обнаруживающие большое знание средневековой жизни и умение воспроизводить чувства и настроения давно минувшей эпохи. В следующем своем эпическом произведении, «Life and Death of Jason» (поэма в 17 книгах), Моррис является непосредственным продолжателем Чосера, влияние которого еще более ярко отразилось на лучшей пьесе Морриса – его «Earthly Paradise». Под этим заглавием поэт собрал 24 отдельные поэмы на классические и отчасти средневековые сюжеты; некоторые из них интересны сочетанием классических мотивов с средневековым мирозерцанием, смягченным влиянием христианства. Моррис – большой знаток исландской литературы, он перевел в прозе несколько Северных саг, издал «The Story of Grettir the Strong», свод нескольких саг X в., и «The Story of the Volsungs and the Niblungs». Оригинальные поэмы Морриса внушены изучением Северного эпоса: «Love is Enough, or the Freeing of Pharamond» и «The Story of Sigurd the Volsung and the Fall of the Niblungs». В прозе Моррис написал «A Tale of the House of the Wolfings and all the Kindreds of the Mark», «The Root of the mountains» и др. рассказы из области Северной мифологии.

Зинаида Венгерова

Глава I: Золотой Уолтер и его отец

Некоторое время тому назад, некий молодой человек проживал в большом процветающем городе, стоявшем на берегу моря и называвшемся Лэнгдон на Холме. От роду ему было двадцать пять зим, с красивым лицом, светловолосый, высокий и сильный; обладающий мудростью, обычно не свойственной молодым людям его возраста; храбрый и добрый; немногословный, но учтивый в речах; не гуляка, не задира, миролюбивый, но знающий, как вести себя в стычке: не было случая, чтобы он показал врагу спину или оставил товарища в беде. Его отец, у которого он жил в то время, когда начинается наша история, был весьма состоятельным торговцем, богатым более, нежели правитель земли, главой самых почтенных жителей Лэнгдона и капитаном Порты; он происходил из рода Голдингов, а потому получил прозвище Золотого Бартоломью, а сын его, соответственно, Золотого Уолтера.

Вы, возможно, думаете, что юноша, подобный описанному нами, был во всем счастливым человеком и несчастья обходили его стороной; но вот случилось событие, омрачившее его жизнь, ибо он встретил прекрасную женщину, опутавшую его сетями любви, и взял её в жены, а она, казалось, была рада отдать ему руку и сердце. Шесть месяцев прожили они вместе, и только тогда ясно увидел он знаки, что она вовсе не такова, какой он представлял её себе, что добродетели её вовсе не таковы, какими он наделял ее; он утратил покой, он ненавидел её за ложь и её отношение к нему; и все же, звук её голоса, когда она приходила в дом и уходила из дома, заставлял его сердце биться сильнее; вид её пробуждал в нем желание, он жаждал, чтобы она была ласкова с ним и добра к нему, и думал, что если будет так, то он простит ей все то зло, которое она причинила ему. Но этого не происходило; стоило ей увидеть его, как лицо её менялось, он видел на нем следы неприязни, которую она к нему питала, и как бы ни была она мила с другими, с ним она была резка и неприветлива.

Так продолжалось до тех пор, пока дом его отца, даже улицы родного города стали ненавистны для него; и тогда он подумал, что мир огромен, а он – молод. И тогда однажды, оставшись наедине с отцом, он подошел к нему и сказал:

– Отец, сегодня я был на причале, я смотрел на корабли, которые готовятся к отплытию, и мне показалось, что один из этих кораблей принадлежит тебе. Скоро ли он отправится в плавание?

– Нет, – ответил отец, – этот корабль, именуемый «Кэтрин», простоит в гавани ещё пару дней. Но почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Лучше, если я буду краток, отец, – сказал Уолтер. – Я хочу отправиться в плавание на этом корабле и посмотреть другие страны.

– Куда же ты хочешь отправиться, сын? – спросил торговец.

– Мне все равно, – ответил Уолтер, – потому что здесь я несчастен, отец, и ты это знаешь.

Некоторое время отец молча смотрел на сына, ибо сильно любил его, но, в конце концов, сказал:

– Хорошо, сын, может быть, это лучшее для тебя; но может случиться так, что мы больше не увидимся.

– И все же, если нам доведется встретиться вновь, отец, ты встретишь нового человека.

– Пусть будет по-твоему, – сказал Бартоломью, – но поскольку мне известно, кто есть причина твоего удаления из родного дома, причина нашей разлуки, она тоже не останется в моем доме. И чтобы впредь она не могла стать причиной раздоров между своими родственниками и нами, она должна уйти, чтобы с ней не случилось чего-либо худшего.

– Прошу тебя, отец, не относись к ней строже, чем она того заслуживает, – склонил голову Уолтер, – позор, который ляжет на её голову, ляжет на мою и на твою головы тоже.

Бартоломью снова помолчал некоторое время, потом спросил:

– Она ждет ребенка, сын мой?

Уолтер покраснел, и ответил:

– Не думаю; между нами не было ничего, что могло бы привести к появлению ребенка.

Они оба помолчали; первым тишину нарушил Бартоломью.

– Что ж, сын, сегодня понедельник; в среду рано утром ты взойдешь на борт «Кэтрин» и я прослежу за тем, чтобы в путь ты отправился не с пустыми руками. Шкипер добрый и верный человек, он прекрасно знает море; мой слуга Коротышка Роберт, ответственный за груз, надежен и мудр, он, подобно мне, из любого дела стремится извлечь выгоду. «Кэтрин» крепкое, новое судно, ей должна сопутствовать удача, ибо она находится под покровительством святой, в честь которой названа, и в церкви этой святой был крещен ты, а прежде тебя я и твоя мать; моя мать и мой отец нашли в ней последнее упокоение, как тебе известно.

Сказав так, старейшина отправился по своим торговым делам, и ни слова не было больше ними сказано по этому поводу.

Глава II: Золотой Уолтер и отплывающий корабль

Когда на следующее утро Уолтер спустился к «Кэтрин», здесь его ждал шкипер Джеффри, встретивший его с почтением; пробурчав что-то ободряющее, он, как мог скоро, показал ему его каюту на борту судна и множество товаров, присланных его отцом и уже складированных на пристани. Уолтер в душе поблагодарил отца за его любовь, но торговые дела мало занимали его, и большую часть времени он с любопытством рассматривал гавань, суда, встающие под разгрузку или неторопливо направляющиеся с товарами к выходу из гавани, матросов и прочий люд, спящих тут и там: все это напоминало ему искусные изображения на гобеленах.

Затем, когда они вернулись обратно на «Кэтрин», он заметил парусник, на который прежде не обратил внимания, готовый к плаванью, и шлюпку возле него; мужчины, казавшиеся ему матросами и сидевшие в шлюпке, ждали, когда появится один или несколько пассажиров и будет отдан канат, чтобы налечь на весла.

Уолтер без всякого интереса рассматривал парусник, когда заметил – о чудо! – людей, проследовавших мимо него к трапу. Их было трое; первым шел карлик, с кожей темно-коричневого оттенка, уродливый, с длинными руками и большими ушами, с клыками, торчавшими, словно у дикого зверя. Он был одет в богатый костюм желтого шелка, был опоясан широким ремнем и сжимал в руках согнутый лук.

За ним шла девушка, юная, как казалось, неполных двадцати лет; прекрасное лицо, подобное цветку; серые глаза, темные волосы, полные красные губы, хрупкое нежное телосложение. Ее наряд был прост: короткое, облегающее зеленое платье, так что было видно железное кольцо на правой лодыжке.

Последней шла леди, высокая и статная, с таким сияющим красотой лицом и в таких богатых одеждах, что трудно было предположить, кто она такая, ибо не каждый взгляд мог выдержать созерцание подобной красоты; сыны Адама, оказавшиеся неподалеку от нее, устремляли на нее пристальный взгляд, когда она проходила мимо, отводили взор в сторону и снова искали её глазами. Уолтер не стал исключением; когда все трое проходили мимо него, ему показалось, что все прочие люди исчезли и они остались одни; он все смотрел и смотрел в её сторону, чувствуя себя бесконечно одиноким. Они по трапу поднялись на корабль, он видел, как они шли по палубе, пока не оказались перед надстройкой в задней его части, вошли в нее и скрылись с глаз.

Он стоял и смотрел, пока спящий на пристани люд вновь не обрел отчетливых очертаний в его глазах; затем увидел, как канат был сброшен, крепкие матросы налегли на весла и шлюпка медленно повела большой корабль по направлению к выходу из гавани. Были выбраны шкоты и распущены паруса, сразу же наполнившиеся попутным ветром, и вот уже нос корабля рассек первую зеленую волну за пределами гавани. На мачте взвился флаг с изображением на зеленом поле грозного волка, поднявшегося на дыбы перед девушкой, и корабль двинулся в путь.

Некоторое время Уолтер стоял и смотрел в пустоту, образовавшуюся на том месте, где волны вкатывались в гавань, затем повернулся и отправился на «Кэтрин». Поначалу он намеревался расспросить капитана Джеффри, знает ли он что-нибудь об отплывшем корабле и его необычных пассажирах; но затем ему пришло на ум, что все виденное им сегодня не более, чем игра воображения, и что будет лучше об этом забыть. Он покинул берег и улочками направился к дому своего отца; и вот, когда до двери оставалось всего несколько шагов, ему вдруг показалось, что он снова видит странную тройцу, спускающуюся вниз по улице: ужасный карлик, девушка и статная дама; но стоило ему остановиться, чтобы пропустить их, и взглянуть попристальнее – о, чудо! – перед ним ничего не было, кроме дома Золотого Бартоломею, в нескольких шагах от него трое ребятишек играли с собакой, да четверо или пятеро горожан

мирно беседовали о своих делах. И он снова подумал о том, преследует ли его видение, или встреченные им на причале были людьми из плоти и крови, потомками Адама и Евы.

В раздумьях, вошел он в дом, нашел своего отца в его комнате, и завел с ним речь о своих делах; но то, за что он любил своего отца, и был благодарен ему – за мудрые и честные слова, – сейчас оставалось вне его разума, ибо он никак не мог избавиться от мыслей о трех странных пассажирах, постоянно возникавших перед его мысленным взором, словно бы изображенные на холсте лучшим портретистом. В особенности две женщины, две странные женщины, образы которых он никак не мог отогнать. Он твердил себе, что не может отдать предпочтение ни одной из них, ни девушке, ни величественной королеве, ни одна из них не выглядела в его глазах красивее другой; он желал снова увидеть их вместе, и он знал, что так будет.

Настало утро среды, время, когда он должен был попрощаться с отцом и подняться на борт корабля; отец проводил его на причал, к «Кэтрин», и здесь Уолтер обнял его, со слезами на глазах и тягостным предчувствием; ибо на сердце у него было тяжело. Старик остался на берегу; трап был поднят, канаты отданы; весла шлюпки-буксира вспенили темную воду; прошло ещё время, подняли паруса, закрепили шкоты и «Кэтрин», рассекая волны, устремила в морские дали, подняв на мачте серое полотнище, на котором слева и справа были изображены начальные буквы имени Золотого Бартоломео, З и Б, а над ними крест и треугольник в центре.

Уолтер стоял на корме; взор его был направлен не во вне, а внутрь себя; он видел другой корабль; и ему казалось, что оба корабля неведомым образом соединены вместе в одном месте, подобно бусам, нанизанным на одну нить, что так будет снова и снова, и никогда один из них не будет существовать отдельно от другого.

Глава III: Уолтер получает весть о смерти отца

Плавание «Кэтрин» проходило спокойно; жизнь шла своим чередом, и не случилось ничего необычного, что можно было бы рассказать о корабле или его команде. Она перемещалась из одного портового города в другой, затем далее в третий и четвертый; в каждом городе совершались обычные торговые сделки; и Уолтер не только наблюдал за людьми, набранными его отцом, но и сам, чем мог, помогал им во всех делах, будь то торговля или корабельная служба. И чем далее они плыли, чем более времени проходило, тем менее казались ему прошлые невзгоды, связанные с изменой жены.

Но что касается других тревог, его желаний и устремлений, связанных с тремя необычными пассажирами, то они всё ещё волновали его, и хотя он не видел их пред собою ясно, как видят людей на улицах, не мог ощущать их действительного присутствия, они часто возникали перед его мысленным взором. Тем не менее, время шло, видения становились все туманнее и неопределеннее; и, можно сказать, что он сам себе, равно как и всем окружавшим его, казался человеком, полностью излечившимся от меланхолии.

Итак, они покинули четвертую гавань, пересекли море и пришли в пятый по счету, большой и красивый город, по истечении более чем семи месяцев после отплытия из Лэнгдона на Холме; к этому времени Уолтер уже перестал избегать развлечений, какие можно найти в больших городах и каких прежде избегал; он снова засматривался на хорошеньких женщин, и желал их, и любил их, но не всерьез, как это свойственно всем молодым людям.

Это был последний порт назначения «Кэтрин»; здесь они провели почти десять месяцев, совершая торговые сделки, получая удовольствие от созерцания всего, что здесь было необычного и любопытного, веселясь с торговцами и горожанами, и даже с окрестными земледельцами, и Уолтер, обладая веселым и буйным нравом подобно всем молодым людям его возраста, охотно принимал участие в шумном веселье наравне со всеми.

Всему, однако, приходит конец, и однажды, когда он вышел из гостиницы, направляясь в свою лавку на рынке, сразу за дверью увидел трех моряков, одетых, как принято в его стране, а с ними человека, облаченного как делопроизводитель, которого он знал как одного из приказчиков своего отца, по имени Арнольд Пенстронг; Уолтер почувствовал, как забилося его сердце при виде приказчика, и он воскликнул:

– Арнольд, что случилось? Все ли хорошо в Лэнгдоне?

Арнольд отвечал:

– Со скорбными вестями пришел я; тяжелое испытание поразило город; не могу скрыть, что твой отец, Бартоломью Голден, скончался, и Господь упокоил его душу.

Как только Уолтер услышал эти слова, все проблемы, все невзгоды, о которых он забыл, снова нахлынули на него, словно и не было стольких месяцев легкой беззаботной жизни; увидел он перед собою отца, лежащего мертвым на ложе, и услышал рыдания жителей города перед его домом. Некоторое время он молчал, затем спросил хриплым голосом:

– Что ты говоришь, Арнольд! В своей ли постели он умер, или нет? Когда мы расставались, он не был ни больным, ни старым.

Арнольд отвечал:

– Да, он умер в своей постели; но причиной его смерти была рана, нанесенная мечом.

– Как это случилось? – спросил Уолтер.

Арнольд стал рассказывать.

– Спустя несколько дней после твоего отплытия, твой отец отослал твою жену из своего дома к её родным из рода Реддингов, не говоря худого слова, и даже не ославив её, что было удивительно для нас, знавших её и твою историю; ибо поведение её, да простит меня Господь, бросило тень на весь город.

Тем не менее, Реддинги были возмущены, и призвали нас, Голдингов, к ответу за это изгнание. К несчастью, мы согласились на переговоры, чтобы сохранить мир в городе. О, горе нам! Мы встретились в нашем Зале Гильдии, и здесь состоялся разговор между нами; и здесь было произнесено многое, что было накоплено в душе, словами, которые нельзя назвать ни приличными, ни сдержанными. И когда были произнесены все слова, настал черед стали – рубить и колоть! Двое из наших остались лежать мертвыми, с их стороны было убито четверо, многие получили раны. Одним из них был твой отец, и, как ты легко можешь догадаться, он был не из последних в схватке; несмотря на раны, две в боку и одну в руке, он сам дошел до дома, и мы были уверены, что с ним все будет хорошо и что мы победили. Но нет! это была видимая победа, прошло десять дней, и он умер от полученных ран. Господь да примет его душу! Теперь же, мой господин, узнай, что я не только принес тебе эту весть, но и слово от всех твоих родных, чтобы ты вернулся, вместе со мной, без промедления, на быстроходном корабле, на котором я сюда прибыл; ты должен взглянуть на него, какое оно красивое и легкое, как оно устойчиво на волне.

Тогда Уолтер сказал:

– Это объявление войны. Я возвращаюсь, и пусть Реддинги трепещут, узнав о моем возвращении. Готовы ли вы к отплытию?

– Да, – ответил Арнольд, – мы можем сняться с якоря сегодня же вечером, в крайнем случае, завтра утром. Но что с тобой, хозяин, отчего ты так сильно стиснул мое плечо? Прошу тебя, не принимай все так близко к сердцу! Для отцов вполне естественно оставлять этот мир прежде своих сыновей.

Но лицо Уолтера из багрового от гнева стало бледным, и он указал что-то на улице, воскликнув:

– Да взгляни же, взгляни!

– Взглянуть на что, хозяин? – спросил Арнольд. – Ох! Я вижу обезьяну в ярких одеждах, любимого зверя уличных музыкантов. Нет-нет, клянусь Господними ранами! Это мужчина, и, думаю, сам дьявол поучаствовал в его зачатии, до того он уродлив. Я вижу рядом с ним милую девушку, должно быть, его рабыню; и – о чудо! – прекрасную и благородную леди! Да-да, вижу; вне всякого сомнения, она – хозяйка этих двух, и принадлежит к самым знатным людям этого прекрасного города; на ноге девушки я заметил железное кольцо, которое является символом рабства у этих чужаков. Но вот что странно: никто, кроме тебя, на улице не обращает внимания на это странное шествие; даже на величественную леди, красотой подобную языческой богине, сверкающую драгоценными камнями, на которые можно было бы купить весь Лэнгдон; должно быть, они привычны к странным и величественным зрелищам. Но нет, хозяин, этого не может быть!

– Что случилось? – спросил Уолтер.

– Случилось, хозяин, что я отчетливо видел их мгновение назад, и вдруг они исчезли. Уж не провалились ли они сквозь землю?

– О, Господи! – сказал Уолтер, глядя не на Арнольда, а вниз по улице. – Стоило тебе отвлечься, и они зашли в один из домов.

– Да нет же, господин, нет, – возразил Арнольд. – Я ни на мгновение не терял их из виду.

– Пусть так, – несколько раздраженно сказал Уолтер, – они ушли, и что нам за дело до них, когда нас постигли горе и вражда? Вот что я думаю, по поводу вестей, принесенных тобой. Ступай к капитану Джеффри и другим нашим людям, расскажи им всё, что случилось; приготовь всё к отплытию и приходи ко мне завтра до восхода солнца, потому что мне тоже нужно подготовиться; итак, завтра мы возвращаемся в Лэнгдон.

Он вернулся в гостиницу, остальные пошли делать то, что он сказал; Уолтер долго сидел один в своей комнате и думал над тем, что произошло. Затем он решил не вспоминать более о видении, а готовиться к возвращению в Лэнгдон, вступить в борьбу с Реддингами и либо

одолеть их, либо умереть. Но – странно – когда он думал о борьбе и смерти, сердце его забилося сильнее, и вдруг он обнаружил, что вовсе не Реддинги занимают его мысли, не возвращение и распри с ними, его занимали мысли о том, как найти ему ту страну, в которой жила странная троица. И снова попытался он убедить себя, что он видит их не наяву, что это всего лишь видение, подобное сну во сне. Но как же тогда быть с Арнольдом, спрашивал он себя, который стоял рядом с ним и тоже видел их? Разве мог он быть видением? И он отвергал подобные объяснения; он думал: «По крайней мере, я прекрасно слышал, как он описывал их мне, он мне, а не я ему, и потому можно утверждать, что они порождения реального мира, а не моего воображения. И снова: почему я хочу разыскать их; что мне от них нужно; и нужно ли мне это делать?»

Снова и снова задавал он себе эти вопросы; и наконец, осознав, что сколько бы он ни давал на них ответов, ни один из этих ответов не будет достаточно мудрым; он почувствовал усталость и необходимость встряхнуться; он упаковал свои вещи, проверил, все ли готово к отплытию; проведя в этих хлопотах остаток дня, он лег спать с наступлением темноты; а поутру его разбудил Арнольд и отвел к своему кораблю, носившему имя «Бартоломью». Не задерживаясь, наскоро попрощавшись, взошел он на борт корабля, который, спустя час, вышел в открытое море и взял курс в направлении Лэнгдона на Холме.

Глава IV: «Бартоломью» попадает в шторм и сбивается с курса

В течение четырех недель «Бартоломью» быстро продвигался в северо-западном направлении, подгоняемый попутным ветром, с судном и его экипажем все было в порядке. Затем ветер стих, и корабль почти совсем остановился, хотя волнение моря было сильным, настолько сильным, что, казалось, судно находится не в море, а в ущелье, окруженном горными пиками. Кроме того, далеко на западе, гряда облаков скрыла горизонт, в то время как последние двадцать дней небо было ясным, за исключением небольших белых облачков, появлявшихся и тут же уносимых ветром. Капитан судна, настоящий морской волк, долго рассматривал море и небо, затем приказал матросам убрать паруса и глядеть в оба. А когда Уолтер спросил его, что он увидел, и почему ничего не говорит ему об увиденном, угрюмо ответил: «Почему я должен объяснять тебе то, что любому глупцу понятно без объяснений, именно, что погода портится?»

Итак, они сколько могли приготовили корабль к тому, что вскоре должно было случиться, и Уолтер отправился в свою каюту, чтобы поспать, покуда предоставлялась такая возможность, хотя ночь ещё не наступила; и был разбужен невероятным шумом и гомоном, доносившимися с палубы, ударами канатов, громким хлопаньем парусов, а кроме того, корабль швыряло из стороны в сторону. Однако, будучи отважным молодым человеком, он оставался в своей каюте, поскольку был сухопутным человеком и не желал путаться под ногами матросов и мешать им; кроме того, он сказал себе: Велика важность, окажусь ли я на дне моря или вернусь в Лэнгдон, в любом случае я буду лишен радости жизни. Но, если поднялся ветер, это не так плохо; возможно, он отнесет нас к чужим берегам, и тогда наше возвращение будет отложено, и кто знает, что с нами может случиться. Пусть все идет, как идет.

И решив так, через некоторое время, несмотря на качку, буйство ветра и моря, он снова заснул, и спал до тех пор, пока его не разбудил свет, проникший через открытую капитаном дверь; потоки морской воды лились с его мокрого плаща. Он обратился к Уолтеру: «Молодой хозяин, я принес тебе хорошие вести. Мы прилагали все силы, чтобы не сбиться с курса, но все напрасно; и все же, добрый хозяин, несмотря на всю злобу, с которой накинuloсь на нас море, наш корабль исправен, наши люди целы и невредимы, и пусть нас пока подождут у престола Всевышнего. Хвала Святому Николаю и святым угодникам! Может быть, нас несет в неизвестные моря, к неизвестным землям, но это все-таки лучше, чем пойти рыбам на корм.

– Значит, с кораблем и экипажем все в порядке? – спросил Уолтер.

Да, воистину так, – отвечал капитан, – воистину, «Бартоломью» – любимец дубрав; идите и взгляните, как легко справляется он с ветром и волнами.

Уолтер надел плащ, и они поднялись на среднюю палубу; погода и в самом деле изменилась; море было мрачным и покрыто высокими волнами с барашками пены, небо нахмурилось низкими облаками, между ними и морем висели косы дождя; но, не взирая на все это, их корабль стрелой летел вперед, подгоняемый ветром, разрезая массу воды и взмывая с волны на волну.

Уолтер стоял и глядел на эту картину некоторое время, держась за штормовые канаты, и повторяя самому себе: – Это хорошо, что они двигаются так быстро, хотя и неизвестно, к какому берегу.

Тогда капитан подошел к нему, похлопал по плечу и сказал: «Ну же, хозяин, взбодрись! Спустимся вниз, и подкрепим свои силы куском мяса и чаркой доброго вина».

Они спустились вниз, и Уолтер ел и пил, и на сердце его стало легче, чем прежде было, когда им владели мысли единственно о смерти отца и вражде, ожидавшей его по возвращении домой, который некогда был для него желанным пристанищем и прибежищем, к которому

были устремлены все его надежды. Но теперь, казалось, он нуждается в скитаниях, хочет он того или нет; выходит так, что именно с ними связаны его надежды; и надежды эти были связаны именно с тем, чтобы отыскать место, где жили странные люди, к которым постоянно возвращались его мысли и которые, казалось, звали его к себе.

Глава V: Неведомая земля

Три дня гнал их ветер, на четвертый день тучи рассеялись, небо очистилось, показалось солнце; буря утихла, и хотя по-прежнему дул ветер, он дул в направлении, противоположном направлению на Лэнгдон.

– В таком случае, – сказал капитан, – поскольку ветер препятствует нам, а мы сбились с курса, то не лучше ли двигаться до тех пор, пока нам не встретится земля и мы не узнаем у жителей её, где оказались. Кроме того, – сказал он, – по моему мнению, земля не далеко от нас.

Они так и сделали; плавание их проходило приятно, погода продолжала улучшаться, ветер стих, превратившись в легкий бриз, тем не менее, прогонявший их прочь от Лэнгдона.

Прошло ещё три дня, и в конце третьего, вперёдсмотрящий крикнул с мачты, что видит впереди землю; и все они, поскольку солнце ещё не зашло, могли увидеть вдали темное пятно, размером не более чем с человеческий кулак.

Когда наступила ночь, они убрали часть парусов, и двигались по направлению к земле медленно и осторожно; стояло начало лета, ночи не были ни длинными, ни темными.

Когда же совсем рассвело, они увидели землю, длинную гряду скал и камней, и ничего кроме. По мере того, как день разгорался и они продвигались дальше, они поначалу видели только скалы, вырастающие из моря, и все ту же высокую каменную стену; пока, наконец, их глазам представилась зеленая равнина, полого спускавшаяся зелеными террасами и склонами к подножию скал.

Здесь не было ни города, ни причала, даже когда подплыли ближе к берегу; тем не менее, они жаждали ощутить под ногами гостеприимную землю, после длительного плавания и пережитой бури, они надеялись пополнить свои припасы продовольствия и питьевой воды, иные приятные неожиданности; они направили корабль к берегу и к вечеру бросили якорь в пяти морских саженях от линии прибоя.

На следующее утро они обнаружили, что неподалеку от них расположено устье небольшой реки; были спущены шлюпки, которые взяли корабль на буксир и повели его по реке, и когда поднялись на милю или около того по течению, то увидели, что морская вода кончилась, что здесь почти не чувствуется влияние прилива и отлива. Река здесь была чиста и глубока, и несла свои воды между широкими, покрытыми травой, открытыми местами, подобными лужайкам. Также по левому стороне они увидели трех мирно пасущихся коров, как будто лужайка была пастбищем, принадлежащим их владельцу, и нескольких овец; а поодаль, возле излучины реки, небольшой бревенчатый дом, крытый соломенной крышей, и фруктовые деревья рядом с ним. Они были удивлены отсутствием других домов, они не понимали причины, по которой прекрасные земли столь мало заселены в этой далекой стране. Тем не менее, они решили оставить свой корабль, предполагая скоро вернуться, спросив только о том, где они находятся, и несколько освежившись на зеленой траве, такой манящей и приветливой.

В то время, пока они занимались необходимыми приготовлениями, они заметили человека, вышедшего из дома и направлявшегося к реке, к ним навстречу; вскоре они увидели, что он высок ростом и стар годами, с длинными седыми волосами и бородой, одежда же его состояла из звериных шкур.

Он приблизился, не выказывая признаков недоверия и страха, и приветствовал их мягким приятным голосом. Капитан корабля, в свою очередь, поприветствовал его и после спросил: «Старец, уж не ты ли правитель этой страны?»

Старик улыбнулся.

– Здесь нет правителей уже долгое время, – ответил он, – и нет других сынов Адама, которые могли бы подтвердить истину моих слов.

– Значит, ты здесь один? – спросил капитан.

– Да, – ответил старец, – я живу здесь один, среди зверей полевых и леса, среди гадов и птиц. Поэтому мне так сладко услышать ваши голоса.

Тогда капитан спросил:

– А где расположен ближайший город?

Старик снова улыбнулся.

– Когда я сказал, что живу один, – произнес он, – я имел в виду всю землю, а не только эту равнину. Нет ни единого дома между морем и обиталищем медведей, ни на скалах, ни далеко за ними.

– Ну да, – ухмыльнулся капитан, – а медведи в твоей стране не настолько похожи на людей, чтобы жить в обычных человеческих домах?

Старик покачал головой.

– Сэр, – сказал он, – что касается их телесного обличья, то они в целом похожи на людей, но каждый из них и больше и выше обычных. Ибо они медведи только по названию; они – племя полудиких людей; всё, что я могу сказать о них, – они многочисленнее любого племени, которое я когда-либо видел, и что они живут позади этих скал к востоку и западу. А что касается наличия у них души и разума, то я уверен, что их нет; они подлые создания, не верящие ни в Бога, ни в его святых.

– Может быть, они верят в Магомета? – спросил капитан.

– Нет, – отвечал старец, – я точно знаю, что у них есть много лживых богов; мне известно, что они поклоняются некоей женщине, совершая нелепые обряды.

Тогда спросил Уолтер.

– Послушай, старец, откуда тебе все это известно? Какая нужда свела тебя с ними?

Старик отвечал:

– Время от времени некоторые из этого народа приходят сюда и получают от меня то, что я могу им дать; одного-двух телят, полдюжины ягнят или свиней; или же мех вина или сидра, моего собственного изготовления: а они дают мне взамен те вещи, в которых я нуждаюсь, олени и медвежьи шкуры, мех; я стар, и не могу охотиться сам. Иногда они приносят мне небольшие куски чистой меди, также дают золото, но в этой земле от них мало пользы. По правде говоря, по мне, они плохо владеют ремеслом; но я рад видеть их, хотя они уже давно не были у меня и не похоже, что они собираются вернуться; и хотя они здесь дома, в то время как вы – пришельцы, они не причинят вам зла; кроме того, вы вооружены и обладаете знаниями, которые им интересны.

Тогда капитан спросил:

– Уж если ты имеешь дело с этими дикими людьми, не хочешь ли ты вступить в сделку с нами? Мы проделали долгий путь, мы соскучились по свежему хлебу, а у нас на борту есть много вещей, которые мы могли бы предложить взамен.

Старик отвечал:

– Всё, что у меня есть – ваше, возьмите все, что вам нужно, оставив мне только необходимое до следующего урожая и приплода: вина и сидра у меня много; вы можете пить их, сколько душе угодно; у меня есть кукуруза и мука, но её немного; всё это вы можете взять, а также цветущие колосья хлеба на моем поле; у меня есть и другие припасы. У меня есть сыры и сушёная рыба, возьмите их, если пожелаете. Что же касается моих коров и овец, если они вам нужны, то вы можете взять их, я не могу отказать вам: но я умоляю вас этого не делать, не трогать моего скота и приплода; поскольку, как я уже говорил вам, прежде, когда ко мне приходил медвежий народ, они давали мне всё, в чём я нуждался; позвольте сказать вам: если вы давно не ели свежего мяса, то здесь вы можете добыть мясо оленей и ланей, да-да, оленей и ланей, пасущихся на этой равнине и в маленьком лесу у подножия каменной стены: они дикие и совершенно не боятся людей; я не могу ни добыть, ни испугать их, здесь нет других людей, которых бы они боялись; медвежий народ добывает их по пути ко мне. Я укажу вам лучший

путь туда, где вы без труда сможете добыть оленя. Что же касается вашего корабля, если вы дадите мне то, в чем я нуждаюсь, я буду благодарен вам; в первую очередь, если вы дадите мне прекрасный нож или даже два и рулон льняной ткани, моя благодарность будет безгранична. Но даже если этого не случится, вы всё равно получите от меня пищу и кров.

Капитан судна рассмеялся.

– Дружище, – сказал он, – мы вознаградим тебя за всё, что ты сделаешь для нас. Не беспокойся, мы не пираты и не разбойники, чтобы лишить тебя средств к существованию. Завтра утром, если хочешь, мы отправимся вместе с тобой на охоту, а когда вернёмся, пополним запасы свежей водой и будем отдыхать на зеленой траве.

Старик вернулся в дом, чтобы сделать все необходимые приготовления к приему гостей, а корабельщики, которых было двадцать один, в один голос порешили, что матросы, Арнольд и слуга Уолтера, сойдут на берег, оставив двоих нести стражу, и менять её по очереди. Они вооружились, что капитан и Уолтер считали необходимой предосторожностью, поскольку всё могло обернуться не так хорошо, как казалось. Они взяли паруса и соорудили из них навесы между кораблем и домом; старик принес им немного из своих запасов, свежие фрукты, и сыры, и молоко, и вино, и сидр, и мёд, и все это оказалось превосходным, и они остались весьма довольны.

Глава VI: Старик рассказывает Уолтеру о себе. Уолтер видит проход в скалах

Когда мясо было съедено, а вино выпито, капитан и корабельщики отправились пополнять запасы пресной воды, а прочие расположились на лужайке, Уолтер, оставшись один на один со стариком, сказал ему: «Отец, ты поведал нам много интересных историй, ты наполнил наши желудки мясом и вином: теперь, если я спрошу тебя о твоей жизни, о том, как ты попал сюда и как живешь здесь, расскажешь ли ты мне об этом?»

Старик улыбнулся и отвечал:

– Сын, это был бы очень длинный рассказ; кроме того, не всё сохранилось в моей памяти; в то же время, мой отказ мог бы огорчить тебя: а потому, если ты просишь, я готов поведать тебе всё, что вспомню, и по большей части рассказ мой будет правдив.

Тогда Уолтер спросил:

– Тогда скажи мне, давно ли ты здесь живешь?

– Давно, – отвечал старец, – я пришел сюда молодым человеком, полным сил.

Уолтер продолжал:

– Этот дом, его построил ты? Эта пашня, и деревья в саду, виноградник, коровы и овцы, это всё принадлежит тебе, или досталось тебе от кого-то другого?

Старец отвечал:

– Ничто из перечисленного тобой не принадлежит мне; жил здесь до меня некий человек, и все это я получил от него в наследство, подобно тому как получают родовую землю и родовой замок, с множеством припасов.

Уолтер продолжал свои расспросы.

– Тот, о ком ты говоришь, жил здесь до тебя?

– Да, – сказал старик. – Он не только жил здесь до моего прихода, но и некоторое время после. – Некоторое время он молчал, затем сказал: – Я убил его: и сделал это не смотря на то, что желал ему лучшей участи.

Уолтер спросил:

– Ты пришел сюда по своей воле?

– Может быть, – отвечал старец, – кто знает? Кто может сказать о себе: я делаю то или это по своей воле? Я просто делаю что-то, или не делаю.

– Тогда скажи мне, почему ты убил этого человека? Он желал тебе зла? – спросил Уолтер.

– Когда я убил его, я думал, что он желает мне зла; теперь же я знаю, что это не так. Это было, как если бы я шел дорогою, а он встал на моём пути и не пускал меня; тогда я убил его и продолжил свой путь.

– И что же из этого вышло? – спросил Уолтер.

– Зло, – коротко ответил старик.

Уолтер молчал, старик также не произнес ни слова; на лице его появилась улыбка, немного светлая, немного грустная. Уолтер взглянул на него и спросил:

– Следовательно, это случилось потому, что ты хотел продолжить свой путь?

– Да, – отвечал старец.

– Открой же мне, что это была за дорога; куда она вела и куда бы привела, почему ты должен был следовать ей, ведь твои первые шаги были связаны с убийством?

– Этого я тебе не скажу, – отвечал старец.

И они замолчали, оба, и каждый из них не начинал разговора, потому что понимал, что все сказанное далее уже не будет иметь никакого значения.

Так прошел день, и наступила ночь; никто и ничто не потревожило их сон, а поутру, наскоро позавтракав, большая часть их отправилась со стариком на охоту, и шли они, все вместе, три часа по направлению к подножию скальной гряды, густо поросшему деревьями, орехами и колючками, тут и там виднелись могучие дубы и ясени; именно здесь, по уверению старика, водились самые крупные олени.

Охотникам ничего не нужно было объяснять, а потому, старик, указав им оленины следы и дав несколько советов, вернулся к Уолтеру, который не имел желания участвовать в охоте, но очень хотел возобновить прерванный накануне разговор. Тот, со своей стороны, похоже, не имел такого желания, и повел Уолтера на курган или пригорок, посреди открытой равнины, поросший деревьями, откуда было хорошо видно всё; но пока они шли туда, путь их лежал не сквозь деревья, но сквозь низкий кустарник, простиравшийся до самого подножия скал; и Уолтер заметил, что во всех других местах, за исключением одного, насколько охватывал взгляд, скалы казались почти или совершенно гладкими, или же иногда нависали над деревьями, в то время как в этом месте они расступались; к этой расселине полого поднимался склон или осыпь, и скрывался в ней. Уолтер долго смотрел в этом направлении, не говоря ни слова, пока старик не сказал:

– Что! что такого необычного увидел ты перед собою? Что ты так пристально рассматриваешь?

Уолтер отвечал:

– Готов поклясться, что вон там, где пологий склон поднимается к расселине в скалах, есть проход, ведущий на ту сторону гряды.

Старик улыбнулся и сказал:

– Да, сын, говоря так, ты не ошибаешься; это проход, ведущий в страну медвежьего народа; эти огромные люди спускаются здесь, когда идут ко мне, чтобы совершить обмен.

– Понятно, – сказал Уолтер; он немного повернулся, осмотрел скалу и увидел, как в нескольких милях от них дорога резко поворачивает в сторону моря, пересекает равнину и много далее упирается в бухту, затем посмотрел на север и запад, изучая оставшуюся часть каменной гряды. И примерно в центре северной части, по направлению к бухте, он заметил темное пятно на скале, видом своим напоминавшее осколок кувшина. Своим почти черным цветом оно отчетливо выделялось на сером фоне скалы.

Уолтер повернулся к старику.

– Вон там, мой друг, вон то место, которое, по всей видимости, есть проход; куда он ведет? – И он указал на него рукой; старик не проследил взглядом в указанном ему направлении, но, глядя в землю, смущенно произнес:

– Может быть, я не знаю. Не думаю, чтобы это был ещё один путь в страну медвежьего народа. Он ведет в дальние земли.

Уолтер ничего не сказал; странная мысль пришла ему в голову, мысль о том, что старику всё же известно об этом проходе, но он по какой-то причине предпочитает умолчать об этом, и ещё – что пройдя по нему, он найдёт ту странную троицу; сердце его бешено заколотилось, ему стало трудно дышать, и в течение длительного времени он не возобновлял разговора, но когда возобновил, голос его звучал глухо и хрипло, совершенно неузнаваемо:

– Отец, скажи мне, заклинаю тебя Богом и всеми его святыми, тот проход, что виден отсюда, как осколок кувшина, не был ли той самой дорогой, из-за которой, как ты полагал, ты должен был совершить убийство?

Некоторое время старик молчал, затем поднял голову, взглянул на Уолтера широко открытыми глазами и произнес твердым голосом:

– НЕТ, ЭТО НЕ ТАК.

Они сидели и смотрели друг другу в глаза; наконец, Уолтер отвел взгляд; он не смог прочитать в глазах старика ни что тот видел, ни где он был; у него едва не закружилась голова.

Но он был уверен, что старик солгал ему, что, оказывается, старик может так же легко лгать, как и говорить правду, – и когда речь шла об увиденном проходе, и когда он говорил об убийстве неведомого человека. Тем не менее, сделав определённые выводы из сказанных старцем слов и несколько придя в себя, он продолжил разговор, спрашивая о других вещах, не имевших никакого отношения к далекой стране за горами. Внезапно он прервался, а затем сказал:

– Отец, странная вещь пришла мне на ум.

– Какая же? – спросил старик.

– Мне пришло на ум, – сказал Уолтер, – что в той далекой стране нас могут ожидать удивительные приключения, и если мы, особенно я, вернёмся назад, так ничего и не узнав о ней, то никогда не простим себе этого, потому как здесь всё скучно и не интересно. Думаю, приключения стоят того, чтобы их испытать.

– О каких приключениях ты толкуешь? – спросил старик, приподнимаясь на локте и сурово глядя на Уолтера.

Тот отвечал:

– О тех, которые ожидают, если пройти вон тем путем на востоке, по которому к тебе приходят люди медвежьего народа; о тех, которые ожидают нас среди них.

Старик откинулся на спину снова, улыбнулся, покачал головой и произнес:

– Эта жажда приключений приведет тебя не к добру, но к быстрой кончине, сын мой.

– Да, и почему же? – спросил Уолтер.

Старик отвечал:

– Эти люди схватили бы тебя и принесли в жертву своей богине, которая для них подобна Магомету. И сколько бы вас ни было, они поступят так со всеми вами.

– Ты уверен в этом? – спросил Уолтер.

– В том, что вас ждет смерть? Да, – сказал старик.

– Но откуда тебе это известно? – спросил Уолтер.

– Я был там, – отвечал старик.

Уолтер улыбнулся.

– Но, насколько я вижу, ты вернулся оттуда целым и невредимым?

– Уверен ли ты в этом? – спросил старец.

– В этом не может быть сомнения, – снова улыбнулся Уолтер, – потому что я видел, как ты ел мясо вместе с нами; призраки так не делают.

Но старец не рассмеялся вместе с ним.

– Если бы мне не удалось бежать, со мной случилось бы то, о чем я тебя предупредил, но меня спасла одна женщина. И все же я не могу сказать, что спасся; скрыться удалось только моему телу. Но где сейчас моя душа? Где мое сердце, моя жизнь? Юноша, мой тебе совет, не ищи подобных приключений; возвращайся домой, к своим родным, как только позволят тебе обстоятельства. Кроме того, подумал ли ты о своих спутниках? Они захотят остановить тебя.

Уолтер покачал головой.

– Я – их хозяин; они должны исполнять то, что я им приказываю: кроме того, они будут рады получить мою долю и разделить её между собой, и ещё я дам им грамоту, предъявив её, они очистят себя от всех обвинений, которые кто-либо посмеет им предъявить.

– Сын мой! Сын! – взмолился старец. – Умоляю тебя, не ищи себе смерти!

Уолтер выслушал его молча, сделав вид, будто убежден его доводами и мольбами; старик смягчился и принялся рассказывать ему о медвежьем народе и их обычаях, и рассказ его был очень подробным; но Уолтер едва слушал его; он не имел намерения встречаться с дикарями из медвежьего народа, но не смел спрашивать о стране, в которую вёл проход на севере.

Глава VII: Уолтер отправляется к проходу в скале

Когда настала пора возвращаться, они слышали звуки рогов, которыми охотники призывали друг друга; старик встал и сказал:

– Судя по этим звукам, охота окончена, и они дают знать об этом своим товарищам, которые рассыпались по лесу в поисках добычи. Сейчас около пяти часов после полудня, скоро твои люди вернутся назад со свежей олениной и прочей охотничьей добычей; мне следует поспешить вперёд, чтобы приготовить огонь, воду и прочее для предстоящего пиршества. Ты пойдёшь со мной, юный господин, или останешься здесь и подождёшь своих людей?

Уолтер отвечал:

– Я подожду их здесь; ведь они не могут пройти к твоему дому мимо этого места. Будет лучше, если я пойду с ними и постараюсь их успокоить, некоторые из них довольно шумны и задиристы, особенно теперь, после удачной охоты, да ещё вдобавок ощущая радость от чувства прочной земли под ногами и опьянения от лесных запахов.

Он говорил так, словно для него не было ничего важнее ужина и отдыха; но внутри него боролись страх и надежда, заставляя сердце биться с такой силой, что это не могло укрыться от старика. Однако тот безучастно выслушал его ответ, кивнул головой и спокойно направился к своему дому.

Уолтер благоразумно выждал, пока он скроется из виду, и лишь затем поднялся на ноги; в котомке у него было немного сыра и вяленой рыбы, небольшая фляга с вином; за плечами короткий лук и колчан со стрелами, на поясе – добротный меч и вдобавок к нему охотничий нож. Внимательно осмотрев свои припасы и снаряжение и, убедившись, что все в порядке, он быстро спустился к подножию кургана, а, спустившись, обнаружил, что непременно столкнется со своими людьми, шедшими из леса, если напрямую направится к проходу в скале, ведущему на юг.

Решив так, он свернул с дороги и избрал путь таким образом, чтобы ни старец, если бы ему вдруг вздумалось вернуться, ни кто-либо из его людей, случайно отставших от компании, не мог ни столкнуться с ним, ни увидеть его.

Для успокоения, он сказал себе, что им вовсе не следует отправляться вместе с ним, они будут только мешать ему в его путешествии. Он приметил в качестве ориентира верхушки скал над местом, где располагался проход, которые могли быть видимы ему на всем пути, разве что не в глубине чащи.

Однако он не двинулся в путь прежде, чем снова услышал звуки охотничьих рогов, доносившиеся из одного места, и, глянув в том направлении сквозь ветви (он уже вошел в чащу), увидел сгрудившихся на кургане людей, вне всякого сомнения, призывавших его; будучи хорошо скрыт листвой, он ничего не предпринимал до тех пор, пока не увидел, что они спускаются с кургана и направляются к дому старика, по-прежнему подавая знаки звуками рогов, но уже не ему, а своим товарищам, ждавшим их у дома. Ему стало ясно, что они несколько не обеспокоены его отсутствием.

Тогда он продолжил свой путь к проходу; не случилось ничего, заслуживающего внимания, пока он не достиг его на исходе дня, и не вошел в него. Это был совершенно прямой разлом или расселина в скале, не было ни подъема, ни склона, ведущих к нему, только куча камней перед ним, путь по которым представлял некоторое затруднение; затратив немало труда, он все же преодолел их, не получив никаких повреждений, и оказался на довольно ровном пути; здесь путь пролегал по округлым камням, среди которых петлял небольшой ручеек, между двумя отвесно вздымавшимися скалами. И хотя сгустились сумерки, Уолтер продолжал идти, и шел до тех пор, пока не наступила ночь. Взошла полная луна, и освещала ему дорогу своим светом. В конце концов, он зашел довольно далеко, и устал настолько, что счел за благоразум-

ное отдохнуть, расположился на небольшом пятнышке травы среди камней и подкрепил свои силы едой из котомки и водой из ручья. Место, где он сидел, не казалось ему опасным; усталость взяла верх над ним, и он уснул, уснул так крепко, как, наверное, спали сейчас жители Лэнгдона на Холме.

Глава VIII: Уолтер пересекает пустыню

День едва разгорался, когда он проснулся; вскочив на ноги, он спустился к ручью, вдоволь напился холодной свежей воды и смыл в его струях остатки ночного сна, после чего продолжил свой путь. Он шел три часа; дорога из пологой становилась все более и более крутой, а скалы по обеим её сторонам все более и более низкими, до тех пор, пока почти не сравнялись с поверхностью дороги, и он не оказался на каменистом перешейке, почти начисто лишенном травы и воды; тех мест, которые прежде попадались ему, покрытых мягкой растительностью, где он мог бы остановиться и перевести дух, встречалось все меньше и меньше по мере того, как он продвигался вперед. Он позволил себе краткий отдых и немного подкрепил силы. День был ясный и безветренный, на небе ни облачка, и путь его лежал на юг, судя по солнцу. Он все шел и шел, перешеек оставался все таким же безжизненным и однообразным, разве что различные участки его были чуть более или чуть менее крутыми. Незадолго до наступления ночи он наткнулся на неглубокую выемку, наполненную водой; он решил расположиться на ночлег здесь, у воды, полагая, что за оставшееся до темноты время ему вряд ли попадется более удобное место.

С наступлением рассвета он проснулся и поднялся; немного времени отнял нехитрый завтрак; затем он продолжил путь; и теперь, сказал он себе, какие бы опасности ни угрожали мне, по крайней мере, от одной опасности я избавлен – вряд ли мои слуги смогут настичь меня.

За все время ему не встретилось никого, за исключением нескольких горных лисиц, и, однажды, какого-то странного вида зайца; из птиц он приметил одного или двух воронов, длиннокрылого ястреба и орла, парившего высоко в небе.

Третью ночь он снова провел на каменистом перешейке, ведущем его все выше и выше. Только к концу дня ему показалось, что подъем стал как будто менее крутым; что же до остального, то все оставалось по-прежнему, бесконечно длинный перешеек, тянувшийся вперед на сколько хватало глаз. Когда наступила четвертая ночь, он не нашел подходящего места для отдыха, где была бы вода, так что когда он проснулся, во рту у него пересохло, и только прохлада наступающего дня немного освежила его.

На пятый день подъем почти прекратился, и, наконец, когда он, усталый, брел уже много времени, почти в полдень, мучимый жаждой и обессиленный, он набрел на родник, слабенькой струйкой выбивавшийся из-под громадного камня. Он так хотел пить, что не мог думать ни о чем другом, пока не утолил жажду; но когда взор его вновь обрел былую ясность, он увидел – о, чудо! – что вода источника стекает к югу. С радостью на сердце продолжил он путь, и шел все быстрее и быстрее на юг, или, по крайней мере, приблизительно на юг. Он двигался так быстро, как только мог, и чувствовал, что дорога начала спускаться, и тем не менее, ночь застигла его все в той же каменистой пустыне. Тем не менее, когда он располагался на ночлег, он находился, как ему показалось в лунном свете, в неглубокой ложине, в южной части перешейка.

Спал он долго, а когда проснулся, солнце стояло уже высоко в небесах, и никогда прежде утро не казалось ему таким ясным и приветливым, как сейчас. Он поднялся и подкрепил силы тем немногим, что ещё оставалось у него, напился воды из ручья, вдоль которого шел весь вчерашний день и рядом с которым ночевал; затем продолжил путь, не очень надеясь, что грядущий день принесет ему что-нибудь доброе. И все же, миновав значительное расстояние, он вдруг почувствовал в воздухе, которым дышал, что-то новое, что-то сладостное, приветливое, домашнее; в отличие от последних трех-четырех дней, когда жаркий раскаленный воздух был воздухом безжизненной пустыни.

Он продолжал идти, взбираясь все выше и выше по хребту, и, как это часто случается, когда кто-то в одиночку карабкается на кручу, все время смотрел себе под ноги, пока не почувствовал, что оказался на самой вершине хребта. Здесь он остановился, чтобы перевести дух,

поднял взор и осмотрелся, – о чудо! – он и в самом деле находился в верхней точке огромной гряды, спускавшейся отсюда вниз, не плавно, как та дорога, по которой он шел все последние дни, но достаточно круто, сквозь разломы и отвесные скалы. Но вместо унылой пустыни, оставшейся за спиной, перед ним раскинулись прекрасная местность: поросшие лесом холмы, зеленые равнины, небольшие рощи, тянувшиеся здесь и там, и упиравшиеся где-то вдали в громадные синие скалы с увенчивающими их белоснежными шапками.

К его удивлению, дух его вдруг разом ослаб, он почувствовал головокружение и был вынужден на некоторое время присесть и закрыть руками лицо. Придя в себя, он поднялся и очень внимательно осмотрел открывшуюся перед ним землю, но не обнаружил ни единого признака человеческого жилья. Но он сказал себе, что это, возможно, не страшно, что прекрасная лесная страна протянулась далеко, и что он отыщет людей и их жилища, как только покинет эти горы и спустится в долину. Сказав так себе, он продолжил свой путь, и затратил на него не очень много времени, так что теперь ему следовало озаботиться поиском средств к существованию.

Глава IX: Уолтер встречает первого из трех незнакомцев

Как по ту сторону хребта, так и по эту, дорога его по-прежнему пролегла среди отвесных скал и по склонам, настолько крутым, что не было возможности изменить путь, не подвергая себя опасности; иногда попадались трудно проходимые топкие места, и ему понадобилось полных три дня, чтобы миновать каменную гряду; он постоянно страдал от жажды, его скудные припасы подошли к концу, хотя он и старался, как мог, экономить их. Но это мало беспокоило его; иногда ему попадались дикie плоды, а иногда удавалось подстрелить какого-нибудь маленького зверя, зайца или кролика, и он мог поджарить их, добыв огонь с помощью кремня и кресала. А кроме того, чем далее он шел, тем сильнее крепла в нем надежда встретить какое-нибудь жилище, так приветливо и прекрасно выглядело все, его окружавшее. И ещё, смутные опасения беспокоили его, опасения того, что жители этой страны отнесутся к нему недружелюбно.

Но когда ему в первый раз встретилась прекрасная зеленая поляна, то был настолько утомлен, что сказал себе: отдых лучше еды, поскольку последние три дня он спал очень мало; поэтому он прилег под ясенем, невдалеке от ручья, и проспал, неизвестно, сколько времени; но даже когда он проснулся ранним утром, ему очень не хотелось подниматься, и он провел следующие три часа между сном и бодрствованием; затем все же встал и продолжил свой путь до следующей зеленой поляны, не так быстро как прежде, по причине слабости, вызванной голодом. И ароматы прекрасной страны обволакивали его, подобно благоуханию огромного букета цветов.

Так спустился он на равнину, где росло множество деревьев, дубы и ясени, каштаны и горные ильмы, грабы и рябины; они не представляли собой непроходимую чащу и не теснили одно другое, но, разделенные широкими, покрытыми цветами лужайками, напоминали собой огромный королевский парк.

Он подошел к большой черешне, ветви которой склонялись до самой земли, отягощенные ягодами: будучи очень голоден, он ухватил ветви, притянул их к себе, и принялся жадно срывать и поедать ягоды. Но как только он сделал это, то внезапно услышал, где-то рядом с собой, странный звук, какой-то рев или рык, не очень громкий, но свирепый и страшный, не похожий на звуки, издаваемые животными, которые он когда-либо слышал. Как было сказано выше, Уолтер не был трусом; но слабость, вызванная длительной трудной дорогой и голодом, необычность происходящего с ним, одиночество, – все это на мгновение ослабило дух его, он обернулся в сторону шума, колени его подогнулись и задрожали: едва он увидел то, что издавало звук, как потерял сознание и без чувств повалился на траву; прямо перед ним, на расстоянии чуть более фута, стоял карлик, виденный им прежде, облаченный в желтое одеяние, с ухмылкой на безобразном лице.

Как долго он лежал, подобно мертвецу, Уолтер не знал, но когда он снова пришел в себя, карлик сидел перед ним на корточках. А когда он поднял руку к голове, карлик издал тот же самый странный полурыв-полурев, грубым голосом, но теперь Уолтеру удалось разобрать, что это речь, состоящая из отдельных слов, и что существо перед ним произнесло:

– Наконец-то! Кто ты? Откуда? Чего тебе надо?

Уолтер сел и ответил:

– Я человек; прозвание моё – Золотой Уолтер; родом я из Лэнгдона; мне нужна пища. Лицо гнома ужасно перекошилось, и он громко расхохотался.

– Всё это мне известно: я спросил тебя только для того, чтобы проверить, будешь ли ты лгать или скажешь правду. Я был послан, чтобы взглянуть на тебя; и у меня с собой есть для тебя хлеб, какой вы, чужеземцы, употребляете в пищу: возьми его!

С этими словами карлик достал из котомки, висевшей у него на спине, хлеб, и протянул его Уолтеру, который, хоть и был голоден, взял его с неким сомнением.

Карлик рассердился.

– Не это ли твоя пища, чужеземец? Или ты хочешь мяса? Хорошо, дай мне твой лук и одну-две стрелы, ты устал и ослаб, – я подстрелю для тебя зайца, кролика, а может быть перепела. Ах, да, я позабыл; твоя пища... ты не ешь мясо так, как это делаю я, сырым и с кровью, тебе нужно обжарить его в огне или сварить в горячей воде; как, скажем, это делают моя госпожа, или моя служанка, моя рабыня; я знаю это, я видел, как они готовят его для себя.

– Нет, – отвечал Уолтер, – этого вполне достаточно.

И он впился зубами в мягкий вкусный хлеб. Затем, когда он немного насытился, и чувство голода оставило его, он обратился к карлику:

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь о своей служанке и своей рабыне? И кто такая твоя госпожа?

Гном снова издал звук, похожий на яростный рев; затем, уже отчетливо, произнес:

– Ее лицо белое и розовое, подобное твоему; её руки белые, подобно твоим, да, но более белые; и то, что у нее под одеянием, только ещё более белое: потому что я видел это – да, я видел это; о да, я видел, видел, видел это.

Произнеся эти слова быстро и невнятно, едва не срываясь на крик, он упал и принялся кататься по траве: но почти сейчас же затих, сел, некоторое время оставался неподвижным, затем снова упал, с громким хохотом, а потом сказал:

– Но если ты, глупец, думаешь о её красоте, если ты готов пасть к её ногам, то ты пожалеешь об этом, подобно мне. Насмешки и издевательства, слезы и стенания – вот что ожидает тебя! Что ещё сказать тебе о моей госпоже? О госпоже? О чужеземец, что другие женщины по сравнению с ней? И что я способен рассказать о ней? То, что она сделала со мной, она делала и с мужчинами медвежьего народа. Она не служанка, не рабыня; и она ненавидит их так же, как ненавижу я. И настанет наконец тот день...

Он смолк, и оставался неподвижным некоторое время, а затем проговорил, задыхаясь:

– Я сказал тебе слишком много, и... Если бы только моя госпожа услышала меня... Теперь я должен идти.

Затем он достал из своей котомки ещё два хлеба, протянул их Уолтеру, повернулся и ушёл; иногда он шёл прямо, так, как Уолтер видел его на набережной Лэнгдона; иногда подпрыгивал и словно бы катился, как мячик, которым играет мальчишка; иногда становился на четвереньки, подобно дикому зверю; и звуки, издаваемые им, напоминали то рёв, то плач.

Он уже скрылся из виду, но Уолтер ещё некоторое время продолжал сидеть, пораженный ужасом и отвращением, не в силах пошевелиться. Затем, несколько придя в себя, он осмотрел свое оружие и убрал в котомку хлеб.

Затем он поднялся и продолжил свой путь, теряясь в догадках, кто следующим встретится ему на дороге. Иногда ему казалось, что такая встреча была бы хуже смерти, если все обитатели этой земли такие же, как этот карлик; и если это так, то ему предоставлялся выбор: либо убивать, либо самому быть убитым.

Глава X: Вторая встреча Уолтера в неведомой стране; прекрасная незнакомка

Но, стоило ему двинуться дальше по приветливой, прекрасной земле, ярко освещенной солнечными лучами, отдохнувшим, утолившим чувство голода, страх покинул его, и он шел в приподнятом настроении, и ничего плохого не приключилось с ним до наступления ночи, когда он расположился под огромным развесистым дубом, положил рядом с собой обнаженный меч и спокойно уснул, а когда проснулся, солнце стояло уже высоко.

Он поднялся и продолжил свой путь, и земля казалась ему ещё прекраснее, чем вчера, если это только было возможно; цветов встречалось все больше и больше, а дубы и каштаны становились все выше и кряжистей. Множество оленей попадалось ему, и он с легкостью мог бы добыть одного; но он не трогал их, потому что у него был хлеб, и ещё потому, что он не хотел разводить огонь. Может быть, думал он, такой его поступок будет плохой платой за оказанное ему гостеприимство; ведь даже страшный карлик был учтив по отношению к нему, не причинил никакого вреда, но даже оказал помощь. Однако встречи со слугами или рабами, о которых говорил ему карлик, он все-таки немного опасался.

После этого он шёл ещё некоторое время, и когда солнце поднялось к зениту, он приметил неподалеку впереди серый камень, посреди лужайки, окружённой могучими дубами; он свернул и направился к нему, ибо в этой прекрасной земле ему до сих пор не попадалось подобных камней, и, подойдя, он увидел фонтанчик, бьющий из-под каменной глыбы, и бежавший дальше небольшим ручейком. А когда он подошел ближе к камню, фонтанчику и ручейку, то – о, чудо! – увидел дитя Адама, сидящее рядом с фонтанчиком в тени. Приблизившись ещё немного, он разглядел, что это женщина, одетая в платье, цветом своим напоминавшее окружающую её пышную зелень. Она играла с водяными струями, погружая в них свои белоснежные руки, закатав рукава до плеч. Ее сапожки черной кожи лежали на траве рядом, её ноги по щиколотку были погружены в ручей.

Наверное, среди брызг и шума воды она не слышала его приближения, так что он подошел достаточно близко, прежде чем она подняла лицо свое, и, едва взглянув на него, он подумал, что никогда прежде ему не приходилось встречать подобной красоты. Увидев его, она покраснела, распрямила платье, скрывая ноги, и распустила рукава, но ничто в её движениях не выдавало волнения или страха. Что же касается Уолтера, то он застыл неподвижно, пытаясь сказать хоть что-то; но сердце его рвалось из груди, и он не мог произнести ни единого слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.